

Ядринцев Николай Михайлович (18 октября 1842 – 7 июня 1894), исследователь Сибири и Центральной Азии, один из идеологов сибирского областничества.

Родился в Омске, окончил Томскую гимназию, с 1860-го – вольнослушатель Петербургского университета. В 1878 г. совершил первую экспедицию на Алтай, с целью ознакомления с этнографическим и экономическим положением района. Из Омска путешественник проехал через Барабинскую степь, мимо оз. Чаны в Барнаул и Бийск. Из Бийска маршрут экспедиции лежал до Улалы, и затем по р. Катунь в Алтайскую, Ануysкую и Смоленскую волости, затем на Зырянский рудник и Колыванскую фабрику, далее

через Кузнецк в Томск. В 1880 г. Западно-Сибирским отделом Русского Географического общества была организована поездка в районы Горного Алтая. В 1894 г. был назначен в Барнаул заведующим статистическим отделом Алтайского округа.

Статья «Алтай и его инородческое царство» была опубликована в журнале «Исторический вестник» за 1885 г. Историко-литературный журнал «Исторический вестник» издавался в Петербурге (Петрограде) в 1880–1917 гг., в нем публиковались документы, мемуары, статьи на исторические, историко-литературные, этнографические темы, повести, романы, библиографические обзоры.

Н. М. Ядринцев

АЛТАЙ И ЕГО ИНОРОДЧЕСКОЕ ЦАРСТВО

(Очерки путешествия по Алтаю)

Алтай представляет горную систему, которая отрогами своими наполняет южную половину Томской губернии; на северо-западе границей его служит течение реки Алей, на юго-западе – река Иртыш, на северо-востоке – трещина, в которой лежит Телецкое озеро; на юго-востоке русский Алтай ограничен государственной границей. В этих пределах он занимает площадь в

2 500 кв. миль, другими словами, из русского Алтая можно выкроить целых три Швейцарии. Хребты, входящие в состав этой системы, идут в различных направлениях и разнообразно загибаются, что значительно усложняет систему; рамки нашего очерка не позволяют нам входить в подробности этого предмета, и потому мы постараемся схватить рельеф системы только в общих чертах. Главный массив системы находится на южной границе губернии; здесь, под 50° северной широты, лежит высокое плоскогорье Укок¹; оно имеет 7 800 футов высоты над уровнем моря; ширина его от запада на восток около 10 верст. Это центр поднятия системы, так сказать, алтайский Памир; круглый год оно безлюдно; летом, в июне месяце, здесь часто падает снег; термометр ночью падает ниже 0° и реки иногда покрываются за ночь довольно толстым льдом. Ледяная кора вечно покрывает гранитные кругляки по берегам рек. Единственное дерево на плоскогорье – береза (*Betula pana*).

С северо-востока и юга плоскогорье ограничено высокими снежными горами; только на западе оно открыто; число спусков с плоскогорья в соседние долины ограничено; выючных спусков только два, один – на западе в глубокую долину реки Бухтармы, другой – на востоке; последний путь выводит в систему реки Кобдо, которая в китайских пределах; при этом приходится переваливаться через скалистый хребет Улан-Даба, который возвышается над плоскогорьем еще на 1 460 футов. На севере хотя и есть отверстие, но не может служить для человеческих сообщений – это узкая щель, по которой воды с плоскогорья с бешенством стекают на более низкую террасу, по которой протекает река Катунь. Эта река берет начало в юго-западном склоне горы Белухи и, обогнув ее с запада, течет на север и выходит из Алтая на сибирскую низменность. Чуйское плоскогорье лежит к северо-востоку от Укока, и отделяется от него цепью Чуйских белков; оно обширнее Укока, имеет около 60 верст длины, но ниже, так как поднимается только до 6 000 футов. Оно окружено со всех сторон высокими снежными горами; с юга и востока его окружает Салюгемский хребет, с юго-запада – Чуйские белки, с севера – Айгулакские и Курайские горы; плоскогорье орошается рекой Чуей, которая, подобно Аргуту, вверху течет спокойно по плоскогорью, внизу же стремительно мчится по теснине и впадает в Катунь выше Аргута. Выючные пути с плоскогорья в Китай через Салюгэм удобны, идут через плоские горные проходы, выезд в Россию труден, потому, что проходит по теснине, по которой изливается Чуя. Чуйское плоскогорье смотрит приветливее Укока; на нем возможна человеческая жизнь; здесь уже бродят теленгиты со стадами и на берегу Чуи живут в деревянных избах приказчики русских купцов, ведущих торговлю в Алтае и Монголии. Река Чуя берет начало в северо-западном углу степи; здесь в близком расстоянии один к другому возвышаются две снежные вершины: Муйлету и Буруль-Тайга; у северо-восточной части подошв этих гор лежит высокое плоскогорье, на котором рассеяно множество озер, в том числе два больших – Кендыкты-Куль и Джувлу-Куль.

¹ У автора – Укэк. (Ред.)

Плоскогорье имеет до 30 верст длины, озеро Кендыкты–Куль лежит на высоте 8 200 футов над уровнем моря; озеро Джувлу–Куль – на высоте 7 920 футов. Природа этого плоскогорья еще суровее, чем на плоскогорье Укок. В 8 часов вечера термометр уже падает ниже 0°. Мелкие озера этого плоскогорья покрыты льдом круглый год; берега больших озер бывают среди лета покрыты заберегами; озеро Джувлу–Куль около 5–го июня путешественник Чихачев нашел покрытым еще льдом, позже около 26–го числа того же месяца другой путешественник нашел его открытым, но берега его были усыпаны ледяными иглами, которые производили своеобразный шорох при каждом новом набеге волны.

Единственный житель этого холодного плоскогорья – сурок (*Arctomis Bobac*), а на водах – красная утка (*Vulpanser rutila*). Лесу на плоскогорье нет, только некоторые скаты гор опушены кустарной березой (*Betula papa*), красноватые и кожистые листья которой скорее напоминают бруснику, чем наш березовый лист. Над северным берегом озера Джувлу–Куля возвышается хребет Шапшал; это западный конец хребта Танпу–Ола, который здесь примыкает к русскому Алтаю так же, как при горе Куйтук примыкает к нему длинная цепь китайского Алтая. За Шапшалом берут начало реки Барлык и Чуя, притоки Кемчика; здесь начинается уже система Енисея.

Все эти три плоскогорья: Укок, Чуйское и Джувлу–Кульское – лежат на одной общей оси, проходящей с северо–востока на юго–запад, и представляются как бы одно целое, залегающее между вершиной реки Бурлыка на одном конце и вершиной реки Бурчума, вытекающего из Куйтуна и текущего в Черный Иртыш, – на другом. Это единственное место, где системы Енисея и Иртыша подходят близко одна к другой. Три соединенные плоскогорья можно принять за базис алтайской системы.

На западной стороне долины Катунь лежит Абайское плоскогорье, оно достигает до 3 588 футов высоты над уровнем моря; здесь уже возможно земледелие. Абайская степь не велика; но плоскогорье это, примыкая к южной подошве Коргонского хребта, продолжается на северной стороне хребта под названием Канской степи. С восточной части воды сбегает в долину Урусула; с западной в долину – Чарыша. На Канской степи в последнее время появилась заимка купца Мокина с церковью, но крестьянского селения еще нет. Канская степь была прежде любимым местом кочевников, и в прошлом столетии здесь кочевал самый важный из алтайских зайсанов – зайсан Омбо; вследствие чего весь народ алтайский известен у русских под названием Канской земли. С севера Канскую степь ограждает ряд белков, который продолжается отсюда на запад и восток; западный конец этого ряда служит правым боком долины Чарыша, восточный – левым долины Урусула, так что обе долины ограничены с севера одним и тем же гребнем. Белки, входящие в состав этого гребня, носят разные названия – над Чарышом они называются

Талицкими, над Урусулом – Семинскими; последний упирается на востоке в долину Катуня. Это будет по нашему счету четвертая цепь, самая северная и последняя; к северу от нее простирается сибирская низменность.

Реки Алтая многочисленны, и самая замечательная из названных – Катунь; (Хатун в переводе – женщина); она сливается с Бией и вместе с нею образует обширную Обь, несущуюся к Ледовитому океану; Катунь – это алтайская красавица.

Долина Катуня изливается в широком распадке гор между двумя выше описанными рядами плоскогорий; река берет начало на западном склоне горы Белухи и до Семинского белка делает четыре колена; сначала течет на западо-юго-запад, потом на север, на восток и наконец опять на север; два верхние колена носят дикий горный характер; среднее и нижнее колена просторнее, особенно среднее между устьями Коксу и Чуи; средняя высота этой последней части долины опускается от 3 000 до 2 000 футов; как долина самой Катуня, так и многочисленные побочные долины удобны для земледелия; здесь не только успешно возделывается рожь, но хорошо вызревает и пшеница; оседлое население этой долины ничтожно, но не вследствие физических причин; весь Алтай считается землей, принадлежащей Кабинету его величества, и разрешение селиться в нем зависит от горного управления алтайскими заводами, которое до последнего времени считало заселение этого богатого края вредным для интересов Кабинета.

От описания центрального Алтая перейдем теперь к описанию его западной части. Из четырех притоков Оби, берущих начало в Алтае (Песчаная, Ануй, Чарыш и Алей), только Чарыш берет начало внутри Алтая, вблизи Канского плоскогорья; остальные три берут начало в северных предгорьях Алтая. Поэтому горная часть Чарыша длинна; она ограничена с одной стороны Талицкими и Баталицкими белками, с другой – Коргонскими и Тигерецкими; это одна из прекрасных и плодороднейших долин Алтая, с оседлым населением из русских крестьян, которые, к сожалению, по той же причине, что и в долине Катуня, быстро редееет в верхней части. Долина Чарыша разрезывает полосу северных предгорий Алтая на две различные по характеру половины; к востоку от Чарыша Алтай кончается крутым склоном, опушенным густой чернью, т. е. смесью лиственниц и елей, к которым на гребне примешиваются кедровые рощи.

Этот-то склон и видно из города Бийска в виде ряда гор, синеватые силуэты которых резко поднимаются на горизонте над равниной, далеко стелящейся к югу от города. К западу от Чарыша северная окраина Алтая несет совсем другой характер, это область гранитных и порфировых, покрытых сосновым лесом гор, составляющих отдаленные отроги Холзуна и Тигерецких белков; гранитные гряды пересекают страну в различных направлениях и иногда поднимаются в виде отдельных значительных гор, каковы Синюха (4 500 фут.) и Ревенюха (3 300 фут.): это самые высокие точки в этой стране, они стоят, впрочем, на заднем плане, высылая вперед себя в равнину более мелкие многочисленные гряды, постепенно мельчающие и переходящие в гранитную степь.

Путешественник, приближающийся к этой части Алтая от Барнаула, синеву предгорий начинает различать уже от станции Белоглазовой; со следующей станции (Калмыцкие Мысы), за 70 верст от предгорий, он ясно начинает различать три ряда гор – ближайший ряд, состоящий из гор Вострухи и Игнатихи, за ними поднимается более высокая – Синюха, за которой еще более высокие Тиге-рецкие белки.

Эта часть Алтая, густо населенная крестьянами, богата романтическими картинами. Местность состоит из разорванных гранитных скал; нагота капризно нагроможденных глыб декорирована густой зеленью кустарников жимолости, роз и таволги; многолетние сосны, укрепляясь корнями в пазах между глыбами, взбираются чуть не на вершину скалы, которая бывает часто покрыта сбегаящими вниз потоками белой, точно известковой жидкости, – знак, что скала служит наблюдательным пунктом для большой хищной птицы; массивность скал еще более смягчается висящими с карнизов и тихо колеблемыми ветром плетями крыжовника-ломоноса, увешанного пучками серебристых прядей.

В этой-то части Алтая находится знаменитое Кольванское озеро, которое было описываемо многими путешественниками и оригинальный вид которого часто встречается в учебниках геологии и физической географии.

Три большие западные долины, орошенные реками Убой, Ульбой и Бухтармой, открываются к большой сибирской реке Иртышу; Уба – средняя по величине, по положению – самая северная из этих долин, начало ее лежит довольно глубоко внутри Алтая и вершины сходятся частью с вершинами Чарыша, частью с вершинами реки Коксуна, текущей на восток в Катунь. Верхняя половина течения проходит в дикой теснине, которую редко посещали путешественники; нижняя половина просторна и сопровождается скалистыми горами почти до впадения реки Убы в Иртыш. Прекрасные места в нижней части долины, удобные для земледелия, давно привлекли в эту часть долины крестьянское население; в верхней же части ее, густо покрытой растительностью, рассеяно множество пасек.

Долина реки Ульбы известна и описана, потому что была чаще посещаема путешественниками, которых сюда привлекал научный интерес, связанный с существованием в ней богатого серебряного Риддерского рудника.

Рудник лежит в верхней части долины, которая имеет вид котловины, окруженной высокими горами; из этой котловины один удобный выход вниз по реке, в другие же соседние с ней местности ведут малодоступные горные тропинки, взбирающиеся на высокие, до 3 000 футов, перевалы. С южной стороны котловины над нею возвышаются Ивановские белки (6 768 фут. над уровнем моря), которые риддерцы любят посещать кавалькадами, особенно если на рудник прибудет какой-нибудь важный путешественник.

Риддерский рудник есть единственное большое селение в Алтае, которое так близко помещается к белкам, что в несколько часов горной езды кавалькада

может достигнуть алтайских полей, на которых путешественники вступают в Алтай, знакомятся впервые с алтайской флорой этого хребта.

Поля, покрывающие мягкие скаты белка, усеяны цветами синих горечавок, а где скат обнажается от дерновой подушки, каменные ступени его устилаются лакированными широкими листьями бадана или мелкозубрей листвы – *Drias octopetata*.

Ниже Риддерского рудника долина Ульбы суживается и особенно живописною становится ниже деревни Бутачихи; отвесные скалы упираются в воду; дорога местами искусственно прорвана в подошве отвесных утесов, бока которых картинно поросли цветущими исполинскими травами: ярко-синие султаны прикрыта (*Aconitum hicoctonum*), пурпуровые, мясистые цветы яснеца (*Dictamnus Fraxinella*), крупные лазоревые колокольчики аденофоры (*Adenophora liliifolia*) и розовые раструбистые цветы, нанизанные на косо поднимающиеся стебли мальвовых кустов, чередуются здесь между собою; к этому хороводу цветов присоединяется дикий пион (*Paeonia anomala*) со своими пунцовыми цветами. Древесная растительность состоит из тополей, берез, осин, ив и черемухи, которые обращают ее в естественный парк.

Ниже деревни Тарханской горы Ульбинской долины начинают сглаживаться, но береговые утесы сопровождают реку с левой стороны почти до конца; близ города Усть-Каменогорска река впадает в Иртыш.

Усть-Каменогорск – небольшой город, с 3 400 жителей.

Третья большая западная долина в Алтае – Бухтарминская. Она имеет около 300 верст длины и по величине вторая в Алтае после долины Катуня. Начало ее лежит у центрального плоскогорья Укок, между двумя исполинами – Белухой и Кунтукум; нижний конец долины открывается в долину Иртыша выше его прорыва между Алтаем и Калбой; урочище Чиндагатуй, находящееся в восточном конце долины и прилегающее к подъему на плоскогорье Укок, лежит на абсолютной высоте 6 195 футов; крепость Бухтарминская, при устье реки Бухтармы, на высоте 1 301 фута. От этой разницы в высоте над уровнем моря происходит разнообразие в характере растительности и пейзажа, так что ни одна долина в Алтае не отличается такими контрастами, как долина Бухтармы. В восточной ее части путешественник видит себя среди разнообразных, часто величественных, горных видов; горные скаты, покрытые лиственным лесом, террасы с густой и высокой травой, в которой скрывается человек, быстрые горные реки, которые с опасностью переходят вброд, водопады, живописные озера, окруженные горами, и нередко над всем этим сверкающая на солнце снежная вершина Белухи, – вот черты, из которых слагаются картины в верхней части Бухтарминской долины, вместо безлесных гор и террас с степной короткой и к середине лета выгорающей травой, которая характеризует западную часть той же долины.

Река Бухтарма составляется из трех истоков; самый значительный, южный, называется Белой Бухтармой и вытекает из горы Куйтун, средний называется

Чиндагатуй, северный – просто Бухтармой, два последние вытекают из озер, окруженных каменными болотами.

Белая Бухтарма, до соединения с двумя другими реками, несется быстро в глубокой долине, поросшей хвойным лесом, усиливаясь на пути множеством притоков, которые льются в нее с соседних белков; дно долины завалено громадными гранитными валунами, чрез которые вода срывается в виде каскадов и водопадов; так как дорога по Бухтарминской долине на плоскогорье Укок (и далее в Кобдо) проходит по южному боку ее, то Белая Бухтарма, пересекающая долину с юга на север, представляет самое важное затруднение к развитию торговых сношений по этой дороге; недавно на ней был построен мост, но река, говорят, успела разрушить его.

Места, окружающие урочище Чиндагатуй, где сливаются три реки, безлюдны; только вниз от Чиндагатуйа начинаются зимовки киргизов, русские же оседлые поселения начинаются только с устья Берели, где только недавно (не более года) заведена деревня. Долина Берели служит лучшим путем из долины Бухтармы к горе Белухе и Берельскому леднику. Если смотреть на Белуху с юга, т. е. из долины Бухтармы, то она представляется в виде двух остроконечных шпигцев или рогов, разделенных между собою горизонтальным гребнем.

Не только эти два шпигца, но и разделяющий их гребень выше всех окружающих измеренных вершин Алтая, так что Геблер, единственный ученый, посетивший Белуху, полагает, что высота их достигает до 11 500 футов. После Геблера, в 1880 году, посетили эту величественную гору мы.

С Белухи скатываются два ледника, один в долину Берели, другой – в долину Катуня.

Ниже Берели природа в долине Бухтармы становится приветливее: суровый климат сменяется теплом, дожди и град, которые часто падают на высоких горах, бывают реже, и долина становится удобною для хлебопашества. Впрочем, подле реки поселения начали основываться только после 1869 года, когда эти места вошли в состав империи.

Ранее часть Бухтарминской долины, от вершины до Чингистая, принадлежала Китаю, и здесь проходила только линия монгольских караулов. С присоединением края к России стали здесь заводиться русские казацкие и крестьянские селения. На правом же берегу Бухтармы, в многочисленных, сильно разветвленных долинах южного склона Холзуна, издавна жили беглые раскольники, называвшиеся каменщиками. Они жили деревнями и долго были неизвестны правительству. Присоединенные при Екатерине, они пользовались особыми льготами наравне с инородцами, не несли рекрутской повинности и платили половинный оклад податей.

Характер лесистых гор и густотравных террас сохраняется до Чингистая; к западу отсюда долина Бухтармы, ограниченная двумя высокими хребтами, одним (Холзун) идущим от Белухи, другим от Куйтуна, расширяется и становится степною.

Восточная часть Алтая представляется совершенно terra incognita¹. Об ней мы знаем очень мало, потому что очень немногие путешественники посещали этот малодоступный и дикий край, покрытый дремучей чернью.

Эта малодоступность обуславливается частью густотой лесов, частью крутизной гор; долины здесь, по большей части, сдавлены отвесными скалами, с которых нередко висят живописные водопады, реки, пересеченные порогами; на горных скатах, куда сворачивает путешественник, чтоб обойти недоступную часть речной долины, его встречают другие препятствия – лесная чаща, засоренная буреломом, или каменное болото.

Главный кряж проходит по восточной окраине страны и отделяет вершины притоков Телецкого озера от системы Кемчика; высокие и труднопроходимые перевалы ведут из одной системы в другую; самый южный перевал Шапшал (10 564 фута над уровнем моря) лежит к северу от озера Джувлу–Куль; севернее его лежит проход Косер, а еще севернее – третий перевал, в вершинах реки Чульчи; последний удобнее других и по нему ездят бийские торговцы с товарами в долину Кемчика; первые два перевала менее доступны; здесь всадники по обледеневшим глыбам карабкаются на крутую гору; в вершинах Чульчи дорога проходит по гористой местности, усеянной озерами: Иты–Куль, Джилдыс–Куль (озеро Звезда), Териколь и Караколь.

На всем пространстве от Шапшала до Иты–Куля местность представляется неприятной и холодной; путь подле западного склона кряжа, о котором только и имеются известия, потому что на восточном склоне еще никто не был из путешественников; проезжая, путник здесь жметя к гребню кряжа, потому что при подошве расстилаются болота и поверхность затрудняется свалившимися с гребня глыбами гранита и сиенита; где эти глыбы сменяются глинистой почвой, становится ровнее, но это не на радость путешественника, потому что здесь ему приходится вязнуть в болото, которое издали уже узнается по зарослям кустарной березы (*Betula pana*); растительность здесь скудна; изредка путника обрадует только заросль бадана (*Taxifraga crassifolia*) или лапчатка (*Potentilla anserina*).

Страна между этим кряжем и долиной реки Катуня представляет три большие долины рек: Башкауса, Чулышмана и Чульчи; все эти три реки соединяются на севере и впадают общим руслом в Телецкое озеро.

Все эти три долины отличаются малодоступностью. Чулышман берет начало из озера Джувлу–Куль и течет сначала по ровной местности, но берега его здесь недоступны вследствие окружающих болот; вскоре затем он вступает в щеки, за которыми следует расширение долины; за ним река снова скрывается в щеках, и только к самому устью долина снова раскрывается. Доступнее окрестности верхних частей Башкауса; они окружены пологими скатами гор; аллювиальная долина реки здесь тоже широка; поэтому долина Башкауса представляет хорошее место для теленгутских пастбищ, и они проводят на нем зиму, переходя сюда с летних кочевьев по Чуе; попадать, однако, в эту местность

¹ На последней карте Азиатской России, издания военного штаба 1883 года, между Катунью и Телецким озером почти не означено гор, хотя здесь тянутся поперечные цепи и на юге к Телецкому озеру примыкает хребет с снежными пятнами на 8 000 футов высоты. (Прим. автора.)

трудно – с Чуи приходится переваливать чрез высокие горы, с снежными вершинами и озерами, покрытыми льдом круглый год; еще неприступнее местность, отделяющая Башкауc от долины Катуня, вследствие крутизны и скалистости проходящих тут гор, а выход вниз по долине совсем немислим, потому что здесь река, на протяжении 40 верст, течет между двумя отвесными стенами, с которых падают живописные штаубахи, одни из таких водопадов видел Бунге.

Река Чулышман, приняв в себя Чульчу и Башкауc, изливается в южный конец Телецкого озера; озеро это имеет 175 верст длины, ширина озера, в самом широком месте, доходит только до 6-ти верст; берега озера живописны и состоят из скал, то отвесно падающих над водой, то далеко вдающихся внутрь озера длинными, до версты длиной, мысами; скалы, преимущественно, состоят из сланцев, пласты которых поставлены отвесно; западный берег круче восточного, особенно в южной части озера, где сланец сменяется гранитом; мелкие речки, струящиеся в озеро, часто ниспадают со скалы водопадами; на восточной стороне путешественник Гельмерсен, проплыв по озеру в 1834 году, видел три водопада: Ишта, Аюкечпес и Атаныш, на западной – два: Агачка и Аюкечпес (перевод названия: медведь не перейдет).

Хвойный лес из елей и лиственниц, покрывающий щетиной крутые хребты отвесов, увеличивает угрюмый характер картины озера, особенно в его северной, суженной части; в южной половине, где озеро шире, вид озера приветливее и ландшафт просторнее; на заднем плане показывается вершина белка Алтын-Тау; темный цвет воды сменяется зеленым; вода здесь, загороженная скалами, нагревается сильнее; животной жизни более, стада птиц по берегам виднеются чаще.

Берега озера мало населены; западный берег, вследствие своей неприступности, вовсе не населен; только на северном и южном берегах да в южной части восточного берега, обитают кочевники; в нижней части Чулышмана производится земледелие, возделывается не только ячмень, но пшеница и табак; оседлых поселений на Телецком озере вовсе нет.

Это озеро весьма редко посещалось путешественниками. Описание его оставил только геолог Гельмерсен и несколько эффектных видов – Аткинсон.

Оно нам не показалось ни так эффектным, как Аткинсону, ни так ужасным, как его описывают миссионеры.

Мы проплыли его в прекрасное время, любуясь отвесными берегами. Северная часть его угрюма, с гор спускаются темные леса, но средняя и южная часть живописна. Вы плывете среди скал, которые дают эффектные мысы. Вдали открываются, наконец, анфилады гор и отвесные обрывы гор, в 5 000 и 6 000 футов высоты, откуда вы видите вьющиеся по ступеням и падающие водопады в озеро. Сопка Алтын-Тау покрыта снежными пятнами и плавающими облаками.

Когда поднялись на эту сопку, мы увидели озеро, лежащее у подножия, как на блюде, на 100 верст расстояния.

Такое разнообразие условий, огромное пространство, простирающееся перед нами, целые долины, террасы гор, подавляющие взор, всегда возбуждали в нас мысли, сколько тысяч народу здесь может найти приют и место для жизни: на каждой из горных террас можно построить Петербург.

И при всем этом, к удивлению, вы встречаете борьбу за землю, за долину, за пядь земли, борьбу ожесточенную между инородческим и русским элементом; мало того, часто между первым колонистом и пришельцем. Вот тут и подите!

II

Из этого очерка уже видно, какое разнообразие долин и гор представляет горная система Алтай. Здесь есть высочайшие недоступные горы, дикие ущелья, леса и плодоносные долины.

В смысле доступности и удобств жизни самое завидное место представляют северные предгорья Алтая и долины Катуня, Песчаной и Каменки. Средний Алтай при своих невысоких хребтах, покрытый травами и растительностью, также весьма удобен для жизни. Долины Алея, Черыша¹, Урсула прелестны; Абайское плоскогорье представляет степь, а поперечная Уймонская долина составляет последнюю удобную для земледелия местность. За огромным Катунским хребтом лежит еще Бухтарма с прекрасным климатом и южной флорой. Все это не могло не привлечь сюда русское население, и вот колонизация понемногу, перейдя Бийскую линию с севера, за нею западную часть Алтая, затем его средину, начала ветвиться по рекам и, наконец, оцепила горы по Бухтарме с юга, где чередуются крестьянские и казачьи селенья. Инородческий район и лагерь явился в середине.

Когда-то кочевники пользовались всеми этими местами; стада их раскидывались в плодоносных долинах. Еще в 30-х годах, во время путешествия Чихачева, Алтай за деревней Алтайской представлял пустыню, теперь не то — по северным притокам Катуня расположена масса сел и деревень, и еще больше их строится прибывающими переселенцами.

Сибирские крестьяне раскинули в Алтае свои промыслы, поставили пасеки, пчельники, заимки (хуторы), амбары для склада орехов; они охотятся в долинах. Купцы завели свои магазины и заимки, где держат покупной скот.

Миссионеры поставили и наметили до 70 поселков или станов новокрещенных. Понятно, что инородец-кочевник и местный зверолов должны были сжаться, отодвинуться, и инородческое царство теперь представляет кусок обрезанных владений.

Конечно, несколько тысяч инородцев не могли совершенно исчезнуть из этих мест, но они уже уступили часть мест и пастбищ оседлым деревням.

Проезжая в 1878 году северные предгорья Алтая, мы остановились в деревне Топольной, последней на Ануе, и увидели, с какой энергией, настой-

¹ Следует читать: Чарыш. (Ред.).

чивостью крестьянин пробивает дорогу себе в горы, как он ориентировался здесь, сумел сделаться прекрасным горным наездником, не переставая быть земледельцем. Около этой деревни мы увидели шалаши несчастных инородцев, так сказать, арьергард, не оставивший еще любимых мест. Это были в большинстве нищие и не имевшие скота. Рядом с крестьянином инородцу было трудно существовать; по праву сильного первый займет инородческие пастбища, около зимовок выстроит пасеку, пчельник или заимку – хутор, наконец, будет пользоваться орехом и охотой, хотя места эти предназначены для инородцев. На этих гранях столкновений и пограничной линии, где крестьянство столкнулось с инородцами, мы встречали массу жалоб и недоразумений, с которыми весьма трудно разобраться, тем более что размежевания здесь правильного не было. Землевладение остается доселе в хаотическом состоянии.

Границы инородческого района с начала нынешнего столетия беспрестанно изменялись, затем горное управление всегда примирялось с основанными деревнями в инородческом районе, а потом начало позволять арендовать землю под заимки и пасеки. Но, кроме этого, явилась масса крестьян-скватеров.

Это скватерство представляет любопытное явление и придает оригинальный характер алтайской жизни. В разных углах вы найдете землевладельцев, крестьян и купцов, людей, создавших хозяйства, иногда целые поселки, как Уймон, Катанда, и когда вы спросите, кто дозволил им это, на каком основании здесь живут, вам ответят: – пришли и поселились «самовольно», а начальство ничего поделать не могло.

Раз сел крестьянин на землю и начал пользоваться соседними угодьями, он немедленно проникается своим правом на эту землю и действует смело и решительно. Инородец, напротив, является пассивным и нерешительным.

Кроме колонизации целыми деревнями, олицетворяющими напиральную на них силу, где можно было предположить подавление численностью, здесь играет роль нечто и другое. Во время нашего путешествия случалось нам слышать следующее.

Приносит инородец жалобу, что он со скотом вытеснен из такой-то долины крестьянином пасечником-пчельником.

– Да не мог он у тебя всю землю отнять, потому что он под пасеку, наверное, арендовал не более 2-х или 3-х десятин, а остальное он не имеет права брать! – отвечают ему.

– Какое! Он говорит, что на 7 верст ему кругом земля принадлежит, и нас на 7 верст прогнал, – отвечает наивный инородец.

При рассмотрении же обстоятельств оказывается, что прогнавший не только на 7 верст права не имел, но и 3-мя десятинами пользовался самовольно, тайно.

В другой раз инородцы в лесах Алтая жаловались, что к ним, в их владения, въезжают крестьяне собирать орехи и отнимают у них промысел.

— Но ведь леса в пользовании вашем, и кто въезжает за промыслом, должен получить билет на это право, — отвечают им.

— Да они без билета въезжают и обивают орех, да еще портят кедр.

— Зачем же вы их пускаете? У вас власть, есть волостные начальники, своя полиция, можете составить акт, можете выгнать их.

— Да куда их не пускать, они нас же бьют!

И вот целая волость не может справиться с артелью крестьян, выехавшею на промысел. Тут уж ничего не поделаешь.

Кроме крестьян, земли инородцев переходят и в другие руки. Алтайская миссия, поселившись в восточной части Алтая, потребовала, чтоб крестьян сюда не пускали, а затем ревностно охраняла этот район от самовольных поселений. И действительно, когда Алтай уже в разных местах был занят крестьянскими деревнями, колонизация за Катунью к Телецкому озеру не подвинулась ни на один шаг. Зато миссия стала протезировать так называемым новокрещенным.

Она старалась, чтобы новокрещенные построили тотчас же избышки, и этим стремилась положить начало оседлости.

Правда, такие поселки возводились, но избышки их, как мы видели на протяжении всего пути нашего, представляли убожество (только одна Улала лучше обстроилась). Новокрещенные, большею частию, далеко не представляют элемента оседлого; составляя разный сброд, а не лучшую часть племени, они не особенно трудолюбивы и нравственны; земледелие у них ничтожное или почти его нет, но за каждое их поселение миссия требует угодий и употребляет меры отеснить язычников от соседства новокрещенных.

Не допустив крестьян, будто вредно действующих на всех инородцев и обивающих их, миссия сама не особенно дружественно относилась к инородцам.

После нескольких случаев преследования шаманов эти инородцы начали удаляться от миссионерских селений. Кроме того, около селения Улалы для миссионерских учреждений понадобилась земля, и вот мы видим в нескольких верстах пасеки улалинской общины, покосы и проч., к которым боятся издали подойти инородцы.

На всем протяжении до Телецкого озера в лучших долинах инородцы встречают новых владельцев и господ окружающих угодий.

Около неприступного Телецкого озера, на юге, есть только одна доступная для жизни и удобная долина; это долина Чулышмана: верст на 30 к устью идет привлекательная долина и пастбища кругом, а далее в вершину тянутся страшные горы. Понятно, как здесь человек должен дорожить каждою пядью земли.

Долины этих мест роскошны, но рядом поднимаются утесы, на которые трудно подняться, не рискуя жизнью. В этом убедила нас поездка на Алтын-Тау из долины Чулышмана. В подобных долинах, конечно, весьма дороги места для пастбищ. И вот, явившись в эти места, прежде всего близ устья, мы узнаем, что местность эта не принадлежит более инородцам, а отдана имеющему быть здесь монастырю.

Далее двинувшись от Устьбашкауса, после целого дневного перехода мы узнали, что находимся все еще в дачах и на землях, предполагающихся во владение монастыря. Это уже было верст за 20, по крайней мере.

Далее потянулись ущелья, из которых инородцы могли выбрать для своих надобностей и жизни ничтожные клочки. Нас окружили в Устьбашкаусе абorigены, потомки знаменитых телесов (уйгур, как предполагает В. В. Радлов), но не новообращенные инородцы, которые жаловались, что они не могут теперь свободно пасти свои стада здесь и с них требуют иногда по 10 рублей с десятины.

Цифра эта нас поразила, и мы могли объяснить ее только разве недоразумением.

Когда мы поинтересовались узнать, где находится Устьбашкаусский монастырь, то нам не могли указать, он еще не устроен, и виднеются только две избышки, где живут два монаха, к сожалению, весьма недружно, как нам передавали, и почти не видящиеся между собою в этой пустыне.

Мы видели также несколько полуразрушенных зданий в этой долине, созданных, говорят, купцом Мальковым, роль которого и похождения заслужили печальную известность в этих местах. Так как этот купец появляется нередко и в Петербурге для собирания пожертвований, то об нем стоит сказать два слова.

Бывший бойким торговцем и чуть ли не кабатчиком, по крайней мере, брат его держал в Барнауле кабаки, этот г[осподин] Мальков в одно утро почувствовал призвание к другой деятельности. В изданной им исповеди, он рассказывает, что ему предсказала новое призвание одна томская кликуша Домна Карповна. Какие-то бессмысленные слова полупомешанной попрошайки решили призвание бийского купца. Он вздумал помогать обращению инородцев, которые доселе привлекали хищнические взоры местных купцов, к числу которых принадлежал и Мальков; он восчувствовал стремление, будто бы вдобавок, кроме торговли, обратить еще их на путь истинный. С этой целью г[осподин] Мальков, однако, не роздал своего собственного состояния, но решился собирать жертвы с других и с таким намерением направился в Петербург искать благотворителей.

Явившись в Москву и Петербург, он привез с собою картинки диких телецких мест и рассказывал всевозможные чудеса о местах, о которых идет теперь речь. Конечно, в глазах слушателей это были пустыни, где народ страдал и пребывал в темноте именно от того, что не явился еще благотворитель и просветитель, подобный купцу Малькову.

Возбудив сострадание и удивление, Мальков собирал порядочные суммы. Энергия его в этом случае была неутомима, доказательством тому служило то, что он проникал до Парижа и Ниццы, ища благотворителей среди аристократов.

Собрав значительные суммы, он возвратился в Алтай. Конечно, никто не мог его проверить, и никто не знал, что делается им на берегах пустынного Телецкого озера. Только после обнаружилось, что за благотворитель г[осподин] Мальков. Миссия потребовала от него отчета в деньгах. С своей стороны, г[осподин]

Мальков также начал обнаруживать нечто. Словом, между Мальковым и миссией завязалась полемика, доходившая до печати и обнаруживавшая многое сокровенное и компрометирующее, что скрывалось под завесой алтайской Изиды. Во время этого спора к удивлению свидетелей его получилось известие, что начатый постройкой монастырь сгорел и никаких следов о тратах на него не осталось. Путешествуя по Чулышману, мы не видели никакого монастыря на этой реке, но зато видели огромные угодья, которые предполагалось выпросить у Кабинета, не знающего ценности своим землям и поддавшегося на эту просьбу.

Инородцы жалуются на недостаток земель и жмутся не в одних этих местах: на алтайских реках, как на Урсуле, Черыше¹, на Абае, в Уймонской долине вы встретите ту же песню. Крестьяне, поставив поселок, вытесняют не только инородцев-кочевников, но и новокрещенных. Какой-нибудь перевозчик Куликов на реке Чуе ставит избу и затем берет целую речку Купшиген² со всеми привольными местами в свое владение, несмотря на то, что и на юге Алтая горные речки и долины их имеют огромное значение ввиду орошения пашен.

В последнее время для проложения путей администрация в калмыцком районе среднего Алтая наметила несколько пунктов, дозволив основать здесь станцию и крестьянские поселки, определив для них количество семей; но казенная система колонизации у нас нигде не управляет крестьянством, и потому крестьяне, во-первых, поселились не на тех пунктах, где предполагалось, во-вторых, бесцеремонно заняли соседние инородческие угодья, и алтайцы-калмыки поставлены были в новое затруднение.

Известно, что в середине Алтая расположено 7 кочевых дючин, или волостей, этих калмыков. Значительная часть их приняла подданство в половине прошлого столетия и составляет остатки племен, входивших в великий ойротский союз Чингисхана. Последними приняли подданство чуйские двоеданцы в 1850-х годах.

Эти алтайские калмыки сохраняют еще следы отчужденности и китайского влияния. Путешественник Чихачев видел еще зайсанов и предводителей их в китайских жалованных шапках с шариками, но русская власть и авторитет также успели подчинить и дисциплинировать этих дикарей.

Мы не говорим уже о той панике и грозе, которую производило здесь създайна имя «казак». Чихачев говорит, что когда нужны были лошади, то казак скакал и оставлял у родовичей саблю (оригинальный прием), как побуждение выполнить приказание, причем инородцы немедленно гнали табуны лошадей под подводы и торжественно везли оставленную саблю. Но, кроме казака, те же калмыки испытали и силу исправника.

Чиновничий произвол наших агентов часто давал себя больно чувствовать инородцам на окраинах. Недаром даже у русских крестьян сложилась песня про алтайских заседателей (становых):

¹ Следует читать: Чарыш. (Ред.)

² Современное написание – Купчегень. (Ред.)

Как на Чую завалится, —

Ничего он не боится...

Инородцы, увидев раз единственного русского чиновника, посланного для осмотра их быта, который не брал с них подарков и обходился ласково, до того изумились, так были тронуты, что прозвали его «боговым братом».

Когда у зайсанов и родовичей установились отношения с властью и казною путем взноса ясака, не было повода жаловаться на их неисправность.

Они были покорены тихо и могли считаться вполне надежными подданными. Мало того, зайсаны, или родовые начальники, по родовому началу безусловно держали в покорности инородцев и вполне гарантировали власти их повиновение. Дючины (волости) исправно оплачивали ясак и значительные сборы, налагавшиеся на них заседателями и исправниками, но с них собирали всегда больше.

Сборы эти когда-то давали возможность служившим здесь земским чиновникам составлять целые состояния.

Маленький инородческий податный оклад, наложенный казною в 3 рубля с каждой души, увеличивался вдвое и втрое. Ясак вносится обыкновенно мехами: белкой, лисицей и соболем.

Конечно, отборный соболь составляет редкость, большинство среднего сорта, но для ясака требовался высший сорт и оценка его ставилась всегда ниже. Но, несмотря на то, что инородцы поставляли лучшие меха, да худших у них и не принимали, несмотря на то, что эти меха они покупали у торговцев, ценные соболи все-таки часто не доходили по назначению, и по этому поводу завязывалась между канцеляриями переписка, причем местные власти отписывались и отговаривались тем, что звероловство у инородцев уменьшается и на зверя был неулов.

Охотничьи угодья действительно суживались с наплывом русских охотников, зверь выбивался и уменьшался. Русские промышленники бьют его беспощадно, часто весною, несмотря на то, что ожидается приплод дичи. Такое истребление было чисто хищническое, до чего инородец не доходил, зная, что от количества зверя зависит его богатство и существование.

Русская колонизация, заняв леса и выжигая их, отогнала зверя далеко. Зверь действительно уменьшился, но инородческое положение и тягости не изменялись. Они платили так же, хотя экономическое положение их было хуже.

И вот при этих-то условиях, продавая скот торговцам, занимая деньги у ростовщиков, эти инородцы все-таки были исправными плательщиками. Мало того, когда-то в начале нынешнего столетия исправники налагали на волости инородцев и требовали взноса оклада вперед за год. Инородцы и это выполняли. Такая мера взыскания была не нужна и незаконна, но факт этот был выставлен в виде добровольной уплаты вперед от изобилия и избытка, а инородец истощил в это время последние средства и окончательно разорялся. А тут еще окружил и взял в руки зверолова торговец кулак, кабалитель; обман, водка свирепствовали и довершали свое дело.

Думал ли кто, что стоило зверолову, рыскающему полуголодным в лесах и питающемуся горстью ячменя, подкараулить соболя или лисицу! Сколько усилий здесь было потрачено! Никто не знает, сколько эта дорогая мягкая шкурка, обвивающая шею петербургской красавицы, поглотила жизни и крови у рыцаря леса, имя которого никогда не будет узнано!

Экономический кризис в жизни инородцев приближался. Давно опустели долины, о прежних стадах не было и помину. Известный ориенталист, путешественник В. В. Радлов еще видел Чуйские долины полными стадами скота, но через несколько лет, проезжая те же долины, нашел их пустынными. Мы видели ту же местность после него и нашли только жалкие шалаши инородцев и обнищавших жителей.

Русский торговец уже хозяйничал в экономической жизни инородца. Прежде дикарь сам себя одевал и кормил. Теперь он приучился приобретать и железо, и мануфактуру путем торговцев, которая ему доставляется как редкость. За бусу, за раковину, за зеркальце, за медное кольцо берутся огромные барыши.

Торг, большею частию, меновой; каждая вещь оценивается во столько-то белок, причем цену за белку ставит торговец, понятно, что покупатель проигрывает.

Ореховый промысел не принадлежит уже всецело одним инородцам, крестьяне завладели этим правом, они въезжают свободно в леса. Весь средний инородческий Алтай изрезан колесными дорогами; дороги идут на Абай, на Уйман, на реку Чую до Ангудая¹; по этим дорогам скачут чиновники, рассыльные, земские писари, подводная повинность уже знакома инородцам.

В долине Уймона расположилось бойкое и энергичное раскольничье население, на Берели и на Бухтарме крестьяне оттеснили инородцев, везде идет захват пастбищ и покосов. Инородцу остается убежищем – ущелья Абакана, Башкауса, Аргута, Ясатора, но здесь давят и теснят его огромные Альпы в 10 000 футов высоты. Инородец, прежде беспечный и независимый, чувствует, что наступает критический момент в его жизни. Он видит, как ускользают его богатство, плодородные долины, звероловство, орех; видит, что он не хозяин своего скота, и руки торговца могущественно сжали его, а кольцо крестьянской колонизации крепко опоясало его владение, и близится время, когда он потеряет и последние уголья.

Безнадежность, апатия и подавленность видна на лице инородца, им овладевает предсмертная тоска вымирающей расы. Исчез прежний гордый вид владыц пустынь и царя Алтая.

Каждое лето, когда начинается изобилие молока, инородцы прежде совершали ряд религиозных и семейных празднеств, в это время они выкуривали на очагах в особых котлах и казанах свою водку из молока (аракэ).

Известно, что более или менее ожесточенное истребление вина соответствует всегда расположению духа народа. Чем более гнили обстоятельства, тем более алтаец и инородец стал предаваться забвению и опьянению.

¹ Совр.: Онгудая. (Ред.)

Прежние поминки, свадьбы и развлечения, полные умеренности, сменились огульным пьянством, причем потребляется огромное количество самодельного вина. Тоска и уныние проявились в разгуле.

Кроме того, глубокая меланхолия, овладевающая народом, дает себя знать самоубийствами. Нет-нет, да и повесится алтаец на дереве, вешается часто женщина, иногда и ребенок.

Во времена бедствий, падежей скота, эпидемий бубнит бубен шамана, горит жертвенный огонь, призываются божества Эрлика и Ульгения, надрывающим воплем раздаются заклинания экзальтированного шамана, но старые боги нейдут уже более спасать инородца. От этих священнодействий остается туман и дефицит. Та же дикая природа, те же утесы, родные скалы окружают инородца, но они уже производят давящее и суровое безнадежное впечатление. Цветущая долина, та, что ласкала глаз, что питала и нежила, ушла из рук и отнята у инородца навсегда.

Отчаяние овладевает им, как тем шаманом, который на Аргуте, в одну грозную ночь, под раскаты грома, бросился со скалы в горную реку, клокотавшую в бездне.

Посетив эти места и насмотревшись на совершавшуюся драму в Алтае, спустя два года, к изумлению своему, мы встретили дикого жителя этих гор и долин в Петербурге, среди своеобразной обстановки столицы. Мы увидели здесь двух зайсанов-родовичей, приехавших ходатайствовать о своих делах. Один был зайсан 4-й дючины Каймаш Буйзуев, другой – алтаец 1-й дючины Отаек Кусубаев, третий товарищ их умер дорогой.

Приезд этих инородцев был замечателен тем, что, приняв русское подданство почти сто лет назад, никто из алтайцев-калмыков не был в Европейской России и в Петербурге. Между тем некоторые предки их имели жалованные медали за усердную службу и грамоты от Екатерины II.

Считая инородцев дикарями, мы думаем, что они не имеют понятия о юридических правах своих. Это не совсем так.

Посетив их стойбища, мы нашли у них множество документов, которые они хранили, как сокровища, в берестяных папках, или портфелях, иначе сказать, в бересте.

Ни один писарь не хотел им читать эти бумаги, так как они относятся к старому времени. Мы прочли, однако, эти документы. Это были Екатерининские акты о льготах инородцев, документы и родословные зайсанов, из которых, вероятно, многие утеряны уже в архивах.

С этими грамотами часто безмолвно, но и многоречиво стоят инородцы, спрашивая о своих юридических правах.

Приезжие депутаты также стремились для выяснения своих прав, особенно на землю, последний вопрос их наиболее заботил, как роковой в их жизни.

Столкнувшись с депутатами, прежде чем помочь им в области юридической, я позаботился об обстановке инородцев в Петербурге. Нашел я их с пере-

водчиком в одной квартире, на углу Невского и Пушкинской улицы. Переводчиком, нанятым ими с места, был молодой, бойкий татарин, человек бывалый, который взял с них за это порядочную сумму.

Горные жители, привыкшие к вольному воздуху, томились в душной петербургской квартире, в 4-м этаже, у какого-то касимовского татарина, содержавшего квартиры. В скверном воздухе у них болела голова, страдал желудок; отсутствие воздуха положительно им было вредно. Я взялся устроить их прогулку по Петербургу, но прохожие толпились около нас, потому что мои алтайцы вызвали любопытство своими монгольскими физиономиями, в своих костюмах, с косами и в оригинальных шапках; один же обращал внимание своею тучностью. На другой день я взял четырехместные сани, и мы отправились по Невскому и Английской набережной, причем я испытывал ощущение чиновника дипломатического корпуса, сопровождающего какое-нибудь китайское или египетское посольство, привлекающее общее внимание. Тучный Каймаш, в пестрой канфовой шубе, в мерлушчатой шапке, накрененной вперед на шотландский фасон и с лентами назад, действительно имел вид какого-то посланника, он держал себя сановито и с достоинством.

Вечером я возил зайсана в цирк, который ему понравился, и особенно дрессированные лошади.

По делам депутаты имели возможность представиться управляющему Кабинетом двора его величества, генерал-адъютанту Ребиндеру, которому подали просьбы, были им выслушаны внимательно и при прощанье получили серебряные часы с императорским орлом. Эти инородцы, надо сказать, имели отношение к Кабинету, как кочующие на его землях.

Прием, полученный в столице, для них был новостью. Третируемые и обиравые местными исправниками, которые задерживали выезд их, они увидели впервые внимание от сановников империи и самое вежливое отношение. Понятно, что это не могло не произвести на них впечатления.

С своей стороны, я употребил усилие, чтобы чем-нибудь облегчить их пребывание в Петербурге. Понятно, что ни шум столицы, ни ее величественные громады, ни движение и блеск не были понятны им. Они оставались к ним почти равнодушны, даже им чувствовалось не по себе. Так несвойственны и нам их пустыни. Они скучали, томились и торопились домой. Я помню грустно унылый вид особенно младшего Отоека, весьма симпатичного, его ничто не развлекало — ни фотографические карточки, ни картины, которыми я их занимал.

Когда я хотел вызвать у них улыбку, я припоминал с ними знакомые места Алтая. Когда-то я сидел в их юрте, как и они у меня. Я также был путником, искавшим гостеприимства. Я припомнил и яркий костер, посредине юрты разложенный для меня, любопытные лица с косами в оригинальных шапках, курящиеся чайники, пеструю инородческую картину жизни. Помню ночь, заставшую меня здесь. Я видел тогда шамана в фантастическом костюме, увешанном змеями (которых представляет масса жгутов) и погремушками в шлеме с перьями,

с таинственным бубном, вертевшегося сначала около костра, а затем выскокшего из шалаша под открытое небо. Помню его потрясающие вопли, призывания, дикое эхо гор, отвечавшее этим заклинаниям, и таинственную, прекрасную ночь с тысячами ярких звезд, раскинувшуюся над величественными горами, полными дикой прелести. Я видел эти горы, обстановка их имеет свое обаяние и поэзию, и конечно, я понимал влечение к ним инородцев и тоску по ним! Эти горы оставили во мне также неизгладимое воспоминание. Уехавшие приятели–алтайцы прислали мне еще раз привет из своих гор и даже подарок: несколько древних наконечников стрел, как амулеты древнего инородческого царства, занимавшего мое воображение. Я представлял себе, как в темный вечер в той же юрте соберутся инородцы, и перед ярким костром, перед любопытными лицами польются рассказы странников о виденных ими огромных дворцах, каменных львах и чудесах столицы. Они будут дома, запах дымящегося арака (домашнее вино) будет разноситься по юрте и ласкать их обоняние. Они, невинные, как младенцы, передадут своим соплеменникам впечатление невиданной цивилизации. Но кто передаст нам их жизнь, их культуру, их таинственный мир?.. Когда мы выходили с моими гостями из цирка, на вопрос разодетой девочки: – «что это за люди?» – петербургская светская дама ответила: – «Ce sont des chinois, ma chere!»¹. Очень жаль, что наши инородцы для иных русских действительно «chinois»².

III

Нам предстоит коснуться теперь этнографии Алтая. Рассматривая племена инородческие от границ Китая к северу, в долинах Алтая мы видим среди инородческих племен: калмыков, ойротов, теленгитов, телеутов, телесов; кроме близкого родства языком и типом, среди них одинаковы следы монгольского и китайского влияния. Видно, что эти племена, выдвинувшиеся из Монголии, когда-то испытали господство монгол, джунгар и породнились с ними.

Племена эти после падения Ойротского союза кинулись на север, причем телеуты достигли Кузнецкого и Томского округа. Но где бы ни встречались телеуты, в Сибири у них видна еще близость племенного родства с Алтаем. Родство это сохраняется, конечно, и у многих татар средней Сибири.

Название *татары*, употребляемое русскими, однако, до бесконечности растяжимо и часто сходится с понятием *инородец*, так что под именем татар разумеются самые различные племена. Хотя татары Тобольской и Томской губерний по языку принадлежат одинаково к тюркскому племени, но в типах Средней Сибири нельзя не видеть различия. Монгольщина, преобладающая на

¹ «Это китайцы, моя дорогая!» (франц. яз.). (Ред.)

² «Китайцы» (франц. яз.). (Ред.)

юге Сибири, в Алтае, в Саянах и в Киргизских степях, понемногу исчезает в Средней Сибири, и сибирские татары в Томске, Таре и Тюмени, как и барабинские, представляют более чистый европейский тип, показывая, что здесь входил другой этнологический элемент.

В собственном смысле алтайцы, или племена, населяющие Кузнецкий и Бийский округа, носят различные местные названия, данные русскими, а именно: 1) *черневых татар*, 2) *кумандинцев*, 3) *телеутов*, 4) *телесов*, 5) *алтайцев ойротов*, или *алтайских калмыков*, и 6) *чуйских теленгитов*. При этом надо заметить, что название калмыков дано алтайцам русскими, а самим им это имя неизвестно; таково же название черневых татар, которые себя, большей частью, называют туба, тубалоры или йиш-кижы. Расположение этого населения и название его сплошь и рядом смешиваются в этнографии. Так, на этнографической карте Азиатской России, составленной по Венюкову, телеуты означены занимающими все пространство между Катунью и Телецким озером, и даже район алтайцев-ойротов. На самом деле телеуты и телеутские волости расположены в Кузнецком округе близ Бочата, в Томском округе, и только часть телеутов переселилась в Найму и Улалу, миссионерские селения. По Бии вовсе нет телеутов, и то, что Гельмерсен принял за них (см. его путешествие «Телецкое озеро и телеуты»), оказались кумандинцами и по костюму, и по образу жизни. Жители по Телецкому озеру, по Башкаусу и Чулышману и доселе называют себя телесами, но название телес пропадает на Чуе. Что телеуты и телесы были не одно и то же, видно из того, что в 1652 году, по свидетельству Фишера, последние были подчинены и покорены телеутами. Чуйские теленгеты составляют две дючины, они называются иногда урянхайцами. По Бии от Енисейской волости, по Чепше и Ише расположены кумандинцы. От Улалы до Телецкого озера находятся 7 волостей черневых татар туба, с особым родовым названием каждой волости. Район их оканчивается на севере Телецкого озера, где мы нашли еще аул Кергежской волости черневых татар. Телесы ныне находятся на урочище Беле, по юго-восточной стороне озера и по реке Чулышману. По правому берегу Катуня и ее притокам справа расположена 1-я алтайская дючина, или волость, остальные 6 дючин находятся по левой стороне Катуня, по Урсулу, Кану, с севера ограничиваемые русскими волостями, к югу – Уймонской управой и Катунским хребтом. Две чуйские дючины живут по Чуе, Аргуту, Чеган-Узуну¹, Каракему и Тополевке.

Среди алтайских племен, собственно, мы видим два слившихся элемента, совершенно различных. Выделить их весьма важно для этнографа. Из коренящейся связи финских и алтайских племен могут вытечь любопытные заключения.

Наше внимание обратили своим типом и выдающимся образом жизни так называемые черневые татары и рядом с ними кумандинцы. От города Бийска, отправившись по Бии, мы встретили целый ряд аулов, или деревень, принадле-

¹ Современное написание – Чаган-Узун. (Ред.)

жащих этим татарам, и прежде всего две кумандинские волости. Сначала, въехав в эти деревни из русских деревень, мы находились под тем впечатлением, под каким обыкновенно бывает неподготовленный путешественник среди чуждых племен. Помню, что после заката солнца, когда живописная Бия, эта красавица-река, как и Катунь, представила нам две картины, друг перед другом поставленные, а именно, берег реки, погружающийся в вечернюю синеву, с блестящею луною на небе, и другую, с отблеском зари на противоположном конце, мы въехали в Елейский аул. Мы встретили здесь фантастические домики на подставках, лестницы из бревен; мелькнули костры на дворах, и нас окружили смуглые, загорелые, всклокоченные головы и лица инородцев, с белыми, как перламутр, зубами, блестящими в сумерках. Мы почувствовали, что находимся среди дикарей, и отдались этому впечатлению. Но этой иллюзии мы не могли долго отдаться. В этот же вечер мы очутились в довольно удобной комнате, с русской обстановкой, а хозяин поразил нас нежной кожей и своим деликатным складом. Это был уже крещеный и ведший вполне оседлую жизнь. Наутро мы нашли, что окружающее население далеко не походило на монголов, киргизов, бурят, остяков и самоедов, типы которых нам были известны. Ближе всего окружающие нас инородцы подходили – брюнеты к семитическому, или к цыганскому типу, но среди них было немало с волосами каштановыми и блондинов. Даже шаман (жрец), виденный нами, был блондин. Глаза также встречались голубые и серые. При подробном изучении цвета кожи мы увидели ее ничем не отличавшейся от нашей, кроме загара. Из волос мы получили волосы ребенка, хранящиеся у нас в медальоне, это был настоящий лен. Ясно, что здесь не было ничего общего с монголами. Географическое положение этих аулов и деревень было особенно благоприятно для племенного изучения. В ряду многочисленного инородческого населения весьма важно схватить чистый, основной тип. Здесь тип был в высшей степени своеобразен. Видно, что в этом месте было очень мало смешения с другими племенами, и действительно, кумандинцы были отделены и, так сказать, загорожены от алтайцев с юга их соседями, черневыми татарами других волостей, а с севера соприкасались с кузнецкими родственниками, где сохранился тот же тип. Уже прежние путешественники замечали среди алтайских северных народностей типы, которые давали им повод делать заключение о смешении тюрков и алтайцев с финскими племенами. Наружные признаки, по первому впечатлению, дали повод Гельмерсену сравнить виденных им черневых татар Бийского округа с чухнами Финляндии. Как мы убедились сами, инородцы эти могут оставить подобное впечатление. Безбородые лица черневых татар и кумандинцев, с прямыми волосами, висящими космами, и полуоткрытыми глазами, действительно, весьма напоминают финнов; около Кузнецка мы встретили крещеных татар, в войлочных пальто, с трубками в зубах и в картузах, которые еще более напрашивались на сближение с чухнами.

Наиболее типичное население – это кумандинцы, отделенные с юга от смешения с алтайцами бийскими черневыми татарами, а от телеутов черневыми же

татарами – кузнецкими. В этих волостях мы встречаем типы, более близкие к кавказским, чем к финским. Скуластость пропадает, глаза полуоткрытые, голубого цвета, волосы каштановые и белокурые. Мы поражались иногда замечательным сходством с русскими лицами; белокурость детей выступает еще резче. Правда, кумандинцы ведут уже оседлый образ жизни, поэтому здесь любопытно наглядно изучить, каким образом другие условия жизни влияют на изменение того же типа.

По рисункам мы предоставляем судить, насколько эти лица своеобразны. Не делая окончательных выводов, мы не можем не констатировать факта, бросающегося в глаза. Что это не случайность, доказательство в том, что в черни и в лесах по Лебедю и Мрассе, в Кондомской и других волостях, совершенно изолированных от русских, встречается значительная часть также белокурых инородцев.

Наблюдение над оседлыми татарами этой местности не могло не навести на сравнение с их родственниками, живущими в лесах, и особенно с кочевниками алтайцами. Оседлость, иной образ жизни и пища не могли не положить своей печати, и действительно, оседлые отличаются меньшею смуглостью, меньшим присутствием загара (загар у некоторых алтайцев доходит до пояса, вследствие полевых работ без рубах), большею нежностью кожи, мягкостью волос, жировыми накоплениями под кожей и мягкостью или рыхлостью мускулов. При измерениях мы убедились, что мускулы звероловов были жестки, менее упруги, как бы слитые, напоминая мускулы удава. Нам неизвестно, были ли антропологами сделаны наблюдения над изменением организма под влиянием перемены обстановки и пищи, а эти наблюдения могли бы пролить свет на перерождение рас и дать ключ ко многим антропологическим загадкам.

Оседлость у кумандинцев и полукочевой быт у татар этой местности тоже оригинальны. У кумандинцев среди подобия русских изб мы нашли оригинальную переходную форму зимовки; это род шалаша с крышей, закиданной землей, с глинобитной печью – переход к настоящей избе, но своеобразной постройки; здесь видно еще родство с шалашом. <...> В лесах у кузнецких татар находятся зимовки четырехугольные. Проследив переходы этих жилищ, мы составили целое представление о переходных культурах и самом происхождении оседлости.

В этнографии доселе встречаются резко только несколько степеней быта: звероловы, скотоводы и оседлые земледельцы, но переходные степени не изучены. Мало того, мы смешивали формы быта и вследствие такого заблуждения считали тех же черневых татар за кочующих звероловов, тогда как быт их представляет стадию развития гораздо более высшую, чем у кочевников.

Что касается до кочевников, то это понятие, смеем заметить, получило чресчур широкое толкование в Сибири. От блуждания в лесах, от жизни народа, перекочевывающего со стадами, до оседлого быта человечество прошло ряд бесконечных степеней. Физические и топографические условия природы

обуславливали человеческое передвижение и самые способы жизни. Это легко видеть на алтайских народностях.

В Горном Алтае мы видим, что алтайский скотовод далеко не таков, как номад-киргиз или монгол; горы и горные долины замкнули и ограничили его передвижение, перекочевки и сузили их до нескольких верст; способ перекочевки у них иной, только на плоскогорьях Алтая видны привычки кочевника Монголии, пришедшего с привольной степи.

Леса той же горной местности еще более замкнули и сузили переходы населения, они создали особенную форму быта оседлых кочевников или охотников. В этих лесах находятся как бы первые зародыши оседлости, поэтому можно судить, что леса имели огромное значение в прикреплении человека к земле. В нашем Алтае мы встречаем оригинальную форму быта лесных кочевников – таково население Бийской и Кузнецкой черни. Их жилища, кроме шалашей, деревянные, четырехугольные. Эти жилища не переносятся, хотя лесной кочевник имеет летовку и зимовку для скота, но лес ему позволяет переходить только на две, на три версты. Он уже почти оседлый житель.

В черни и в лесах мы встречаем несколько типов жилищ, служащих переходными степенями, начиная от простого шалаша из еловых деревьев, сюрюльты, аланчека, покрытого берестой, – это род финского кота. При дальнейшем развитии у степных кочевников шалаш этот переходит в юрту, у лесников – в четырехугольную досчатую хижину яйду, имеющую вид шатра, которая встречается на Бии и на Телецком озере, представляя собой четырехугольный шалаш без окон. Бревенчатый шалаш, покрытый земл[е]ю, представляет зимовку, здесь является уже окно (кузенек); первоначально оно наверху, затянуто брюшиной и переплетено прутьями – начало рамы. Наконец, в той же зимовке является глинобитная печь – чувал. Зимовка далее начинает строиться из бревен в 6 рядов, крыша скатом, покрытая землей, окно появляется на боку. Впереди зимовки делается род сеней и досчатый забор от снега. Внутренность подобного жилища также совершенствуется, является кругом род лавки, покрытой берестой, вместо очага печь, и дверь прикрепляется на первобытном шалнере с ремешком. Летовка и зимовка стоят рядом, и первая может превратиться во вторую.

С другой стороны, шалаш, состоящий из жердей и связанный двумя обручами, у скотовода алтайца обволакивается кошмою – это начало юрты. Затем появляется подвижная юрта, подобная киргизской, но без чегарак круга, хотя и с отверстием для дыма. Передвижная юрта по своему устройству есть одно из совершеннейших жилищ, с замечательными приспособлениями. Форма ее наиболее удобная для сопротивления ветру – сферическая; жилище, окутанное кошмой, – тепло, все части его складные и удобны для перемещения. Но у кочевых алтайцев и у черневых существует еще переходная форма, это шести- и восьмиугольная бревенчатая юрта, с конусом наверху; такова зимовка скотовода. Человеку, привыкшему к круглому помещению, немислимо перейти к четырехугольному, и он изобрел многоугольный сруб, заменяющий ему старую юрту с очагом посередине.

Таковы постепенные переходы к избе и четырехугольному сруб. Зимовка, уже начало избы. Еще шаг, и вы замечаете совершенно осевшее население кумандинцев с оседлостью в самой первобытной форме, с жилищами, в которых уже создан первообраз печки – чувал, и изба называется «уй».

Несмотря на то, что кумандинцы усвоили оседлость, позыв переселяться из одной деревни в другую через несколько лет, костры на дворах и приготовление пищи на воздухе напоминают их старые привычки.

В ряду этих жилищ мы встречаем драгоценные указания на все переходы к оседлости. Полукочевой быт или переходный быт встречает представителей у многих инородцев.

Эти постепенные переходы и изменения формы жизни, совершающиеся под влиянием вполне естественных побуждений, вызываемых обстановкой природы, открывают нам многое в истории культуры и освещают постепенные переходы человечества. Что касается промыслов и занятий, то до сих пор принято разделять народы на звероловов, скотоводов и земледельцев, обуславливая этим высоту их культуры и степень развития. Разделение это, верное исторически и схематически, много сбивало людей, заочно представлявших быт инородцев и их промыслы; на самом деле как трудно провести грань между полуоседлым состоянием и оседлым, так трудно сказать, что известному племени свойственно одно занятие.

Земледелие существует как у кочевых алтайцев–скотоводов, так и у лесных дикарей, наполовину охотников, только это земледелие первобытное. Алтайцы и черневые татары преимущественно сеют ячмень. Они обрабатывают землю обылом – род мотыги или лопатки, прикрепленной к согнутой ручке; этот обыл, как видно, относится к древнейшим земледельческим орудиям; в той же черни или лесах встречается еще более простое орудие – это озып, которым выкапывают корни кандыка. От обыла человек не разом переходит к сохе, у алтайцев существует первообраз сохи – это андазын, сошник с простым дышлом, которое привязывается к седлам двух верховых лошадей; борону заменяет у этих народов сучковатое дерево. Хлеб, который засевают первобытные земледельцы, составляет ячмень. Самый первобытный способ сбора хлеба – рвать колосья руками, мы встретили на Чуе; в других местах, как на Аргуте, употребляется нож с косою ручкой, наконец – подобие горбуши. Взамен овина хлеб сушат на солнце, развешивая пучками. Вместо молотыбы сохранился еще способ обжигания соломы. Об этом способе, существовавшем 2–3 столетия в Ирландии, упоминает Тейлор, как о древнейшем способе, он же был присущ кельтам. В этой же черни мы находим первообраз цепа – токбок: простая палка с утолщенным концом. Вместо жерновов мы встречаем у алтайцев растирание ячменя на особой плите, называемой пасмак. Сколько мы ни усиливались найти у южных алтайцев первообраз жернова, мы не нашли его. Жернова представляют высшую степень культуры и находятся только у черневых татар. Точно так же имеет весьма древнее происхождение ступа, сохо, встречаемая у всех

алтайцев; ступа эта представляет различные усовершенствования. При обработке полей в горных местностях Алтая мы находим вдобавок орошение полей. Оно состоит в том, что вода горного ручья или речки отводится по канавам, проведенным по наклонному полю; каналы эти заложены каменными шлюзами, которые по мере надобности поднимаются. Эти сугаки, или каналы, проведены в каждой пашне, но если мало воды, пашни владельцев орошаются поочередно. Подобное же орошение существует в киргизской степи, особенно в Семипалатинской области и Туркестане. В тех же местах мы находим начало удобрения и открываем тот путь, которым природа привела к нему: проезжая по пустынной речке Эбели, впадающей в Чую, мы наткнулись на оставленную зимовку, где на месте шалаша разрослась целая клумба хлебов из просыпанных зерен во время обитания людей. На реке Купшене, впадающей в Еламан, калмыки при расспросах о том, какие поля они предпочитают под пашни, передали нам наблюдения, что хлеб родится лучше на месте, откуда они переносят свое жилище. В Кузнецкой черни мы узнали, что черневые татары сеют коноплю на местах, где простояла долго скотина. Из различных растений начинается выделка произведений. Алтаец чаще употребляет шубы, но черневой татарин умеет ткать. Выделка ткани есть уже замечательный прогресс среди дикарей, она начинается с крапивы и кендыря, или дикого конопля. Из крапивы кузнецкие татары вяжут сети. Белый зипун, делаемый кумандинцами, называется кендырь. Как земледелие, так скотоводство и охота дикаря имеют известные степени развития. У алтайцев есть способы заготовления сена на зиму, причем они, собирая его, вяют веревками.

У черневых татар заготавливаются стога, к которым припускается на зиму скот. Проезжая по Алтаю среди лета, мы замечали везде кипучую земледельческую работу и сенокосение: полуголые дикари трудились не менее нашего земледельца. Что касается звероловства, то и здесь дикарь проявил поступательное движение: старинная ловушка и лук заменены ружьем, которое занесено из Китая. Алтайское ружье фитильное, китайского образца. Для фитиля употребляется лыко растения тая, которое смачивается в растворе пороха и горит как трут. Порох выделяют алтайцы на Башкаусе и на Чуе сами, он весьма крупный. Пуля на большого зверя употребляется железная. Пуля эта легко выкатывается из ствола, если требуется ружье разрядить. Особенность этого ружья в том, что казенника нет, оно прямо запаяно. Можно подумать, что при таком вооружении не достигается ни цельность, ни скорость стрельбы. На самом деле, несмотря на неуклюжесть алтайской турки-ружья, инородец привык владеть им с замечательным искусством, ловкостью и предусмотрительностью, которым нельзя не удивляться. Фитиль не просто прикладывается, но он находится на курке, который также быстро спускается, и огонь зажигает порох на полке. Для того чтобы на охоте скорее зажечь фитиль ружья, у охотника курится другой фитиль. Для насыпки пороха существует особая натруска. В случае промаха находятся в запасе готовые мерки заряда в особых патронах вроде черкесских, а пуля во рту. Порох в одну минуту насыпается и

пуля спускается. Обладая хладнокровием, знанием привычек зверя, черневой татарин убивает в жизни значительное число медведей. Мы видели охотников, убивавших по 150 и 200 медведей. Некоторые обитатели черни носят название «Медвежья смерть».

Как у алтайцев, так и у черневых татар развито кузнечное мастерство до выделки стали. Когда-то кузнечные татары славились производством железных вещей, таганов, посуды и платили до пришествия русских этими произведениями дань в Китай. На Чулышмане и Башкаусе до сих пор добывают руду, плавят чугун, а затем выдeldывают железо.

Остаток кузнечного мастерства в Алтае намекает на многое. В тех же местах находятся могилы, в которых обилие металлических предметов: ножи, кинжалы, чаши, котлы, копыя, стрелы и даже кольчуги. Аборигены Алтая умели выдeldывать металл. Искусство их было высоко. Произведения их, как видно из сравнения находок, распространены до Дона. Мы видим те же котлы, как и в Алтае, на рисунках донских древностей. Алтай был когда-то местом, откуда распространялся металл и его изделия.

Рассматривая костюмы и моды различных алтайских племен, мы видим, что они представляют известное разнообразие. Древнейший костюм черневых татар мы нашли у кумандинцев: он тот же самый, как описывается Гельмерсеном. У мужчин белые азямы из льна и летом такие же шапки, колпаки, обшитые крашеной шерстью, зимою – шубы из серого войлока, у женщин – рубахи с вышитым воротом и шерстяные шушуны, крашенные мареной, так же крашенные чулки. На вороте, шее и косах находятся обильные украшения бисером и ялан-башем, раковинной каури (*Surgua moneta*); наконец, воротники обшиты перламутром с пуговками, называемыми жемчугом.

Это дало повод Гельмерсену заключить, что одежда женщин по Бии походит на мордовскую и черемисскую. В интересах сравнения мы сняли подробности этого костюма. Костюм кузнечных черневых жителей ближе подходит к кумандинцам, но он уже изменяется под влиянием русской моды. Зато бийские черневые татары заимствуют моду у алтайцев, это высокая шапка перюк и женский чегедек – весьма красивый женский костюм, обшитый галуном и парчою с огромными китайскими красными пуговицами. Коса, принадлежность алтайца, проникла и к бийским черневым татарам, но ее уже нет в Кузнецком округе, где инородцы подстригают волосы в скобку. Вообще с юга проникало к алтайцам и черневым татарам китайское влияние, с севера, напротив, русское.

Но нам дороги в этом случае самые древнейшие костюмы, притом весьма важно классифицировать костюмы в связи с хозяйством и промыслами. Мы видели костюм для охоты зверолова и тут же костюм земледельца. Интересно, что белый балахон – *кендырь*¹ и обувь с пришитыми холстинными голяшками совершенно напоминали русский земледельческий костюм. Финские моды женщин весьма поучительны для сравнения. Телеутская шапка женщин

¹ Кендырь – название дикой конопли, из которой инородцы выдeldывают ткань. (Прим. автора.)

напоминает нашу четырехугольную крестьянскую шапку. Одинаковые формы быта и жизни должны давать один и тот же костюм. Валеная круглая шапочка, свойственная среднеазиатским кочевникам нашим, имеет сходство с шапочкой из войлока, найденной в швейцарских озерных постройках. Удобная форма костюма и обуви переносится от племени к племени, переходя огромные протяжения. Китайская круглая, мягкая войлочная шапка носится у алтайцев-кочевников и у казанских татар-торговцев с отогнутым к лицу козырем. Мы не говорим об украшениях. Раковина каури распространена от южноазиатских берегов Восточного океана до севера Азии, она проходила пустыни и степи Средней Азии из Индии, она была известна древнему жителю Европы, как нашему черемису, и находится в древних могилах Саксонии. Напрасно европеец будет гордиться своей модой, происхождение ее лежит в глубокой древности. Первоначальная форма только варьируется и совершенствуется. Даже костюм фрака найден в одной древней алтайской могиле В. В. Радловым; правда, это был кожаный фрак, но тем не менее, вырезка наперед одежде и фалды назад не составляют изобретения только одной европейской моды. Мы не будем уже говорить о металлических украшениях – медных, золотых и серебряных, о запястьях, серьгах, кольцах, зеркальцах металлических и бритвах, даже бронзовых. Их можно найти достаточно в археологических музеях. Они найдены в обилии в Алтае и Минусинском округе (см. между прочим коллекции Эрмитажа). Видно, что некоторые обычаи и туалеты знакомы древнейшим народам; достаточно сказать, что вся Южная и Средняя Азия и Монголия давно бреется, даже чересчур бреется. Исчезшие народы много столетий назад употребляли бритвенницы, а физиономии на каменных бабах, несомненно, монгольского происхождения, все бритые, с одними усами, как европейские джентльмены. Мы не говорим здесь о множестве обычаев и верованиях, переходивших от народа к народу, которые сохраняются в чистоте у алтайских инородцев, как наследие древнейших времен. Шаманизм, доселе мало исследованный, представляет древнюю, весьма распространенную религию, предшествовавшую буддизму, магометанству и проч. Это был род политеизма, из которого родилась целая мифология, героический эпос, поклонение предкам и проч. До какой степени богата и разнообразна эта мифология, можно видеть по собранию мифов Г. Н. Потанина при его странствии по северо-западной Монголии и сравнительному изучению их. Здесь открываются первобытнейшие мифы человечества во всей наготе. Здесь часто видно родство и сходство с арийским и греческим мифами. Сказки о Тезее, Сизифе играют такую же роль, но они сплетаются причудливо с еще более древнейшими мифами зоологического цикла, а затем космического и астрологического мифа. В записках миссионера отца Вербицкого (ныне начальника Алтайской духовной миссии) мы находим у алтайцев немало чисто библейских мифов. Видно, что семитический миф в его первообразе разносился всеми тюркскими и монгольскими племенами по Азии. Г[осподин] Потанин в массе примечаний к своей книге, касающихся сравнения мифов у различных народов и

обнимающих половину этого почтенного труда, несомненно, дал доказательство общности европейского и азиатского мифа и его распространенности. У нас не появилось в литературе достаточной оценки этого материала, но он, без сомнения, обратит на себя внимание европейской литературы. Некоторые пробовали умалить значение этих мифов и объяснений г[осподина] Потанина, указывая промахи филологические, но мы полагаем, что значение этого материала не филологическое и этнографическое, а историко-культурное и антропологическое. До сих пор по предмету верований алтайских и монгольских племен еще не было собрано такого материала. Самостоятельность и древность языческого алтайского мифа не подлежит сомнению. Позволим указать, кстати, что почтенный санскритолог И. П. Минаев в рецензии на книгу г[осподина] Потанина замечает, что в алтайском мифе видно влияние буддизма, причем ссылается на наши показания о влиянии буддизма на сибирских инородцев. Буддизм действительно проник в Забайкалье и доходил до Алтая, но про него можно сказать, что он только с формальной стороны, как и магометанство, едва тронул языческий мир сибирских инородцев¹, который живет здесь еще во всей полноте. Объяснять языческую мифологию буддийскими преданиями еще потому невозможно, что шаманизм включает в себе древнейшие верования, которые скорее всего послужили подкладкой к буддизму. Наконец, буддизмом всего не объяснишь. История распространения мифа среди человечества и перенесение его из Азии в Европу – вещь еще спорная. Доселе, конечно, все это объясняется переселением арийских племен в Европу, но азиатский миф мог проникать многими и другими путями. Родство древних аборигенов Европы с азиатскими племенами еще мало выяснено, а здесь, может быть, предстоит открыть целые напластования. Верования азиатских племен, таким образом, получают мировую важность, и для будущей науки таится в этом замкнутом мире неисчерпаемый источник. Всмотреться в этнографический склад и жизнь сибирских инородцев поэтому в высшей степени поучительно. У нас привыкли к дикарю относиться с пренебрежением, но мы забываем, что это стадия человеческого развития, на которой стояли когда-то наши предки. Только здесь мы откроем секреты многих привычек, верований и склада понятий, которые управляют нами. Мало этого, мы здесь увидим культурный прогресс, историю, как человечество проходило школу жизни, как постепенно делались его изобретения. Изучение этих племен откроет нам многое из истории прошлого, таинственного, что до сих пор скрылось из летописей и не попало в них. Алтайские племена уже интересны тем, что здесь находится центр, откуда происходило распространение народностей по северу Азии. Мы видим здесь племена монгольского типа и склада с тюркским языком, несомненно, что это – тюрки, покоренные монголами. Но и прежде тюрков были

¹ Буддийские часовни были когда-то на Бухтарме, и буддийский монастырь близ Усть-Каменогорска. Но все это давно исчезло. Ныне алтайцы забыли буддизм и влияние его было самое слабое. Буддистами были собственно джунгары и монголы, а не алтайцы-тюрки. (Прим. автора.)

какие-то аборигены, следы которых находятся на юге Сибири, в Алтае и в Енисейской губернии. Это остатки загадочных племен с смешанным языком и типом. Кайбалы, тубинцы, минусинские татары, бийские черневые татары – все это своеобразная этнографическая особь, не похожая ни на тюрков, ни на монголов. Радлов предполагает, что прежде наплыва на Алтай тюрков и монголов здесь существовала угро-самоедская народность. Действительно, самоеды, как признали уже ученые, есть алтайская народность, их язык близок к кайбалам; тип носит южное происхождение, судьба их поэтому может казаться трагична. Представьте себе племена, обитавшие на юге, привыкшие к другому климату и силою исторических обстоятельств откинутые в ледяные тундры. Что должен был испытать этот народ! Ведь это хуже многих исторических метаморфоз, хуже мариологии несчастного еврейского племени!

Все ученые, посещавшие Алтай, также находят здесь остатки и признаки пребывания финских племен. Это говорит Клапрот, Кастрен и другие. Но точно это не доказано, между тем как пребывание финнов в Алтае и на юге Сибири может пролить совершенно иной свет на самое распространение и происхождение финских племен. Но если были здесь племена финские, почему не явиться догадке, что могли быть племена и арийские.

В китайских источниках и летописях сохранилось любопытнейшее историческое показание о народе «хакасах», в IX веке занимавшем юг Сибири и распространявшемся до Иртыша и Тибета. Этот народ, по сказаниям китайцев, был «белокурый, с голубыми глазами»; как видно по описанию, это был культурный народ, занимавшийся земледелием, имевший письменность. На скалах и камнях Минусинского округа до сих пор находятся рунические надписи, никем еще не разобранные. Могилы и раскопки, изобильные металлическими зеркалами, тонкими изделиями из серебра и золота, оружием всевозможного рода, остатки земледельческих орудий показывают, что в Минусинском округе и Алтае, действительно, был какой-то культурный центр. Впоследствии на основании китайских названий делались догадки, что хакасы были киргизы, «киликидзе», как их называли китайцы. Действительно, когда-то киргизы были в Енисейской губернии, но затем исчезли. Однако предположение, что хакасы были тождественны с киргизами, требует еще подтверждения. Киргизы заключают, большею частью, смесь монгольского племени, хотя и среди них попадаются типы светло-русые (см. киргизы или хакасы, «Географический словарь», П. П. Семенова). Во всяком случае, по описаниям древние киргизы, как и хакасы, не походили на нынешних киргизов и алтайцев-калмыков с монгольским типом. Эти древние народности, однако, не могли исчезнуть без следа, даже при завоеваниях часть пленных обыкновенно входит в семью победителей. Наконец, побежденные куда-нибудь удалились. То и другое определить важно. Для разрешения этой задачи и при нынешних сведениях мы можем убедиться, что в Алтае произошла какая-то ассимиляция и смешение рас аборигенов и пришельцев, следы которых должны сохраниться и доселе. Далее Алтай был местом, откуда распространялись тюркские и другие племена

по всей Сибири, это же был путь различных монгольских племен из Азии в Европу; понятно, какой любопытный материал лежит здесь нетронутым. Предмет этот только что начинает привлекать внимание ученых, и кто знает, какой переворот произведет он впоследствии в области старой науки.

Ядринцев Н. М. Алтай и его инородческое царство (очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. 1885. Т. 20, № 6. С. 608–644.